

Лит. Россия, 1984, 21 авг.

ИМЯ Петра Сажина стало появляться в печати во второй половине 20-х годов. Он был тогда комсомольским журналистом. Первая его книга «У крыши мира» — о Таджикистане — вышла в 1929 году в издательстве «Молодая гвардия», путевые заметки — так был обозначен ее жанр. Затем появились «Британский профиль», «Курс на завтра»...

Широкую литературную известность Сажину принесла повесть «Капитан Кирибеев», она была напечатана в 1956 году в журнале «Нева». Повесть рассказывала о море, о многогранной работе китобоев, о чуждых судьбах людей, промышленности китов в водах Тихого океана. С этим произведением, тепло встреченным читателями и критикой, море прочно вошло в творчество писателя, как еще раньше вошло оно в его человеческую судьбу.

Примечательное дело: сухопутный по роду-племени человек, сын тамбовского крестьянина (родился в селе Большая Лозовка Тамбовской губернии), никогда не видавший до того в глаза «живого» моря, крепко любивший природу одного края — его просторные степи, лесные дубравы, говорливые ручейки и спокойные реки, — этот тамбовец заболел вдруг морем...

Герой светловской «Гренады», украинский хлопец, который родную «хату покинул, пошел воевать, чтоб землю крестьянам в Гренаде отдать», признавался друзьям, что Гренаду эту он в «книге нашел». По книгам впервые приобщился к морю школьник Петя Сажин. Сочинения о море, в том числе и о морских пиратах, были для него самыми желанными. Но книги — не единственный источник его морской привязанности. Был и другой, пожалуй, посильнее первого. В родные Петру места в первые месяцы Советской власти приехали балтийские матросы, участники Октябрьской революции. Подростку те матросы виделись людьми из легенды. Самоотверженно и яростно встали они на защиту нового строя, не щадили себя и это высекло в душе 11-летнего мальчугана искру своеобразной клятвы, может быть, несколько наивной для его возраста, но искренней: буду походить на балтийцев!

На море Сажин попал только в 1926 году. Кочегаром 2-го класса совершает он свое первое плавание из Ленинграда в Стокгольм. Разыгравшийся шторм чуть было не потопил судно. Нередко после таких случаев люди, стремящиеся на море, особенно если это происходит в самом начале их стремлений, круто изменяют свои намерения. Сажин не изменил. Случай возможного кораблекрушения лишь проверил прочность его любви к «свободной стихии». Проверил и укрепил ее.

В последующие годы он не раз ходил и в близкие, и в дальние плаванья на торговых и промысловых судах, чередуя работу журналиста с работой кочегара 2-го, а впоследствии 1-го класса. А когда его, уже как писателя, в 1936 году пригласили на китобойный промысел, охотно принял это предложение. Вместе с героями своей будущей книги, а книгой этой стала повесть «Капитан Кирибеев», он делил и тревоги, и радости, и заботы промысловиков. До Отечественной войны побывал на многих морях, на Атлантическом, Северном и Тихом океанах. Войну провел преимущественно на Черном море.

Следует, однако, отметить, что море — не единственная тема Сажина. Он пишет и о суше — да простят мне такое географическое разделение литературы! Роман «Сирень» (1962) и отчасти повесть «Три часа» (1967) рассказывают о «сухопутных» людях.

Много, как много пришлось вынести, претерпеть офицеру-

И. КОЗЛОВ

С ОГНЕМ В СЕРДЦЕ

Петр САЖИН.

танкисту Василию Гаврилову, главному герою «Сирени», на двух войнах — на западе против фашистской Германии и на востоке против империалистической Японии. Дважды раненный, находившийся на краю смерти, он получил на фронте такую нравственную закалку, обрел такую стойкость, что его не могут испугать никакие невзгоды жизни. Но главное испытание героя романа — испытание любовью. Светлое и чистое чувство, возникшее у Гаврилова к чешке Либуше Паничковой, сила этого чувства проверяется временем, расстоянием, разлукой. Он выдерживает эту проверку: «Если уж любит, то навек». Роман написан в лирическом ключе, и лирическая тональность оттеняет благородство чувств героя и героини, хотя кое-где характеры обоих, ощущаемые Гаврилова, отдают налетом некой идилличности. В произведении есть выразительные картины Москвы тех лет, жизни и быта москвичей, отмеченные существенными приметами времени...

Да, Сажин пишет не только о море. Однако главной у него является тема морская. Самых значительных успехов он достиг в повестях «Капитан Кирибеев» (1956), «Трамонтана» (1959), «Севастопольская хроника» (1972).

Море стало и главным местом действия этих произведений, и силой, формирующей характер действующих лиц — морской характер.

Море, несмотря на всю грозность неукротимой стихии, на тот страх, что способно вызвать и, порой вызывает в душе человека, несмотря на все это, оно не порождает к себе неприязни, отталкивающего отношения. Наоборот, влечет, притягивает. Романтикой. Обещанием каждый час, каждый миг нового. У людей же крепкой воли оно рождает желание как бы помериться с ним силой.

Преодоление человеком морской стихии — это один аспект, в котором Сажин раскрывает характер героя. Другой аспект — преодоление человеком трудностей, лежащих в нашей производств, словом — в жизни. Идейно-нравственная и социальная проблематика повестей, их историзм выказывают себя прежде всего в этом аспекте.

Конечно, не следует расчленять две эти области жизни и деятельности человека, представлять дело так, что в одной он может вести себя как настоящий гражданин, в другой — быть карьеристом, приспособленцем, трусом. Во всяком случае, в концепции человека Сажин исходит из цельности личности. Правда, положительным героям его произведений присущи и серьезные недостатки, развитие характера идет путями сложными, порой запутанными, но это говорит о сложности жизни и не вступает в противоречие с принципом цельности личности. Нравственная сущность героев, их сердцевина — истинно человеческое.

Впервые знакомая читателя, например, с морским волком Кирибеевым или с рядовым колхозным рыбаком Данилычем, героем «Трамонтаны», писатель

представляет их отнюдь не с самой лучшей стороны. Однако если бы он вздумал сопроводить эти свои сюжетные ходы соответствующим комментарием, то сказал бы: «Не спешите составлять об этих людях плохое мнение лишь на основе первого знакомства, приглядитесь к ним обстоятельнее». Но читатель, вникнув в их судьбы, и без авторских комментариев приходит к такому выводу, вникая одновременно в своеобразие творческой манеры писателя, понимая его намерение создать характеры сложные.

Как своего рода авторскую декларацию относительно принципа изображения героя можно голковать слова Кирибеева, сказанные им с полемической заостренностью в минуты нахлынувшей на него потребности излить свою душу перед другим человеком, в своеобразной исповеди капитана.

«...Есть люди, — говорит Кирибеев, — которые думают так, если человек внешне интеллигентен, то ему знакомы тонкие душевные переживания. Если же человек слепок грубо, вроде бы топором вытесан, то он, дескать, лишен всего этого. Чепуха!»

Художники часто рисуют нас глазами то чурбанами с упругой грудью и жилистыми руками. Мол, вот она, мощь, вот сила! А если задуматься, то ведь это глупость.

Скажу одно: мы, так называемые простые люди, можем быть, тем и отличны от утонченных натур, что умеем переключать свои душевные самые мучительные переживания на труд, умеем не показывать то что пожаром бушует в сердце».

Да, под грубоватой внешностью Кирибеева скрыто нежное, доброе. Его и Данилыча.

Многими достоинствами обладает Кирибеев. Особенно ценное достоинство — активная жизненная позиция. Его девиз: действовать, дерзать, не сговариваясь перед трудностями. С полным правом он мог бы произнести слова своего великого соотечественника ученого И. В. Мичурина, перефразировав их применительно к своей профессии: «Нам нечего ждать милостей у моря, взять их у него — наша задача». Взять, безусловно, не хищнически, а разумно, заботясь о равновесии в природе, что веками и веками устанавливала она сама. Замечу попутно, что проблемой охраны Азовского моря признан конфликт «Трамонтаны». Проблема эта, как известно, остается весьма актуальной, государственной проблемой и сегодня.

Кирибеев действует тем увереннее, что отлично знает море, знает особенности китобойного промысла. Пусть он пока и не профессор в этой отрасли народного хозяйства: в 30-е годы — время действия произведения — китобойный промысел на нашем Дальнем Востоке только набирал силу, приходилось еще прибегать к помощи иностранных спецов (в повести — образ гарпунера норвежца Олафа Кнудсена). Пусть. Важно желание Кирибеева подняться на высоту профессионализма, упорство, с каким он идет к цели, его принципиальная непримиримость ко всему, что мешает двигаться вперед...

Я так подробно останавлива-

юсь на образе Кирибеева и потому, что герой этот в творчестве автора является эталонным.

Активностью, хотя и неброской, примечательна также жизненная позиция Данилыча. Данилыч меньшего, чем Кирибеев, должностного ранга, он лишь рядовой рыбак рыболовецкого колхоза, но дело ведь не в должности, а в человеке, в нацеленности человека на доброе, нужное людям дело, в его исполнении своего долга. Прежде всего и больше всего долга грудного, а грудата он отменный.

Во мнении читателя Данилыч выше, чем его начальство, председатель рыболовецкого колхоза Скиба, словно бы и радеющий за колхозное хозяйство, за природу, по сути же не болеющий ни болями колхоза, ни болями Азовского моря, в котором заметно тают запасы ценных рыб. Про таких, как он, в повести сказано: «В течение последних двух десятилетий рыные добытки «выцедили» рыбу из моря мелкою чечечью сетями, загрязнили и забросили его». При всей кажущейся парадоксальности погосударственному мыслит Данилыч, а не Скиба. Мысли и поступает. Скиба — делец, а Данилыч — наша беспокойная, неумная совесть. В галерее созданных Сажиним героев этот, пожалуй, наиболее выпукло написанный. Как жестоко били, мяти Данилыча обстоятельства жизни: казалось, опустится человек, но нет — удержался, стал настоящим.

Повесть «Севастопольская хроника» входит в цикл морских повестей Сажина. Только она не о мирном, а о военном море. О море, начиненном смертью, презрев которую шли на битву за дело святое и правое советские моряки. Как и две «мирные», она написана от первого лица, и лицом этим является сам автор, участник Великой Отечественной войны. В этой художественно-документальной книге, ставшей заметным явлением в нашей военной литературе, запечатлены судьбы многих черноморских боевых кораблей, экипажей, матросов, офицеров. Широко плацдарм действия повести, велика протяженность во времени, по сути, в ней поведано о всей войне на черноморском рубеже нашей Родины.

...Всякий литературный герой, горящий на земле дорожку Добра, непременно учит людей — чему-либо доброму. Так, учат достойно жить, приносить радость и счастье другим и Кирибеев, и Данилыч, и многие другие персонажи писателя. Петр Сажин, посвящая читателя в историю создания повестей «Капитан Кирибеев» и «Трамонтана», писал, что в процессе работы над ними он «старался передать огонь, полыхающий в сердцах... героев, огонь, который является непреходящей чертой наших современников, идущих вперед сквозь все невзгоды и бури жизни». Слова эти можно распространить на героев и «Севастопольской хроники», и других произведений автора. Все они — и созданные его художественным воображением, и подлинные, реальные лица — живут среди нас, в нашей буче, боевой и кипучей, действуют в одном строю с нами.